

Глава 1

Демид

— Ты действительно собираешься взять в Израиль свою бывшую, а не меня? — возмущенно вопит мне на ухо Лора, когда мы подъезжаем к моему дому.

Я только что рассказал ей о дальнейших планах на лечение своей дочери.

— Успокойся, Лариса, — жестко осаживаю ее.

Красивое личико моей девушки тут же морщится. Она ненавидит свое полное имя.

— Это просто так неожиданно, — внимая предупреждению, меняет тактику хитрая лисица. — Я думала, мы поедем вместе. Ты же там проведешь столько времени! Как же я без тебя здесь останусь? Совсем одна.

Ага, как же! Уж кому-кому, а ей-то одиночество точно не грозит.

— Мне в любом случае будет не до тебя, — устало говорю ей, паркуя машину на своем месте в подземном паркинге. — Сама вспомни, когда в последний раз мы хотя бы ночевали вместе?

— Неделю назад, — дуетса она.

Даже сегодняшний приезд Лоры — ее инициатива. Я так устаю, разрываясь между больницей, где лежит моя звездочка, и работой, что мне совсем не до своей девушки. Ни в физическом плане, ни в эмоциональном.

Мы выходим из машины и идем к лифту.

— Но почему ты хочешь взять с собой эту мошенницу? — продолжает напирать Лора. — Она же последние полгода вообще не виделась с Соней! Я думала, за такое время, дети забывают людей.

— Соне почти пять, если помнишь, — устало вздыхаю, проходя в квартиру. — Она не настолько мала, чтобы забыть свою мать.

— Тоже мне мать! — фыркает девушка, снимая шубку. — Я надеюсь, ты хотя бы не дашь мне повода для ревности?

Такой напор раздражает. Какое, черт возьми, право она имеет устраивать мне сцены ревности? Тем более, такие нелепые. Я скорее прикоснусь к ядовитой гадюке, чем к своей бывшей жене!

— Ты переходишь границы, Лариса.

— Не называй меня так! — визжит несносная девица. — Ты совсем не заботишься о моих чувствах, Демид! Я ведь с пониманием отношусь к твоей ситуации, но ты не делаешь и шага навстречу. Думаешь, меня не заботит здоровье Сони? Или я не люблю ее? Если ты не забыл, то я не посторонний для нее человек. И мне очень обидно, что Сонечка не хочет идти на контакт.

— Она болеет, Бога ради! — нетерпеливо рычу я. — Ты соревнуешься с ребенком? Девочка имеет право на капризы, учитывая ее состояние и все, через что она проходит. Если моя дочь хочет видеть свою мать, то Эля будет рядом. Чего бы мне это ни стоило. Потому что, если твой глупый мозг еще не осознал этого, Соня может не вернуться из Израиля!

— Ты не можешь так со мной разговаривать, — начинает плакать Лора, лишь еще больше приводя меня в ярость. — Я не собираюсь терпеть такое отношение!

— Тогда выметайся отсюда! — кричу на нее, и она так и делает.

Подхватив сброшенную ранее шубу, выбегает из квартиры, театрально всхлипывая и хлопая за собой дверь, а я с яростью переворачиваю журнальный столик, оказавшийся на моем пути на кухню.

— Черт, черт, черт! Что мне, блин, делать?!

Вопрос риторический.

Глаза наполняются слезами бессильного отчаяния, потому что я с каждым днем вижу, что моя маленькая звездочка все больше угасает. Нам предстоит использовать последний шанс на ее выздоровление, и ради благополучия своей девочки я готов снова встретиться с женщиной, которую навсегда изгнал из нашей жизни, и забыть на время, что она мерзкая меркантильная предательница.

Ради Сони. Ради ее спокойствия и поддержки морального духа, потому что моя маленькая девочка

♥ безумно устала бороться за свою жизнь, и я просто не знаю, хватит ли ей сил для последнего, победного рывка.

♥ Если присутствие матери поможет ей, то я готов потерпеть общество Эли. Видит Бог, это не легко при наших обстоятельствах, но я засуну куда подальше свою злость и, стиснув зубы, притворюсь. Притворюсь, что не ненавижу свою бывшую жену. Что мне не хочется выдрать себе глаза, лишь бы не видеть ее. Что я цивилизованный человек и могу общаться с ней нейтрально после всего произошедшего.

♥ Однако все летит к чертям, когда я тем же вечером еду к ней домой, чтобы рассказать о болезни Сони и Эля открывает дверь, держа на руках маленького сына — плод своей измены.

♥ Ребенка моего, черт бы его побрал, лучшего друга!

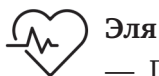
♥ Правда, теперь уже бывшего, но что это меняет? Один взгляд на этого, по сути невинного, малыша, и вся моя выдержка летит в трубу, обнажая кипящую ненависть к его родителям. Разворачиваюсь, чтобы уйти, но в последний миг вспоминаю бледное, изможденное болезнью личико Сони и ее умоляющее «Хочу к маме».

♥ «Нет, Демид, не время быть нюней, — говорю себе. — Это все ради Сони. Просто поговори с ней».

♥ Когда я оборачиваюсь и вновь встречаюсь с растерянным взглядом Эли, на ее лице так явно проступает облегчение, что мне становится не по себе.

— Есть разговор, — сухо сообщаю ей и, когда она отступает от порога, прохожу в тесную убогую хрущевку, из которой забрал ее почти четыре года назад.

Эля

— Громова, зайди к Збруеву. И отчеты по актуальным контрагентам прихвати, — писклявый голосок секретарши финансового директора доносится до меня из трубки внутреннего телефона.

Вздвогнув, растерянно хлопаю глазами, слепо глядя на колонки цифр на мониторе. Он расплывается передо мной.

Рабочий день в самом разгаре, а я чуть не уснула за проверкой последней детализации расходов. Даже три чашки крепкого кофе не помогли. Кофеин не способен справиться с усталостью матери шестимесячного младенца, которая вынуждена работать полный день. После бессонных ночей. После вечных ссор с матерью, с которой ютимся в тесной двушке с тех пор, как я развелась.

Громова... Как же я хочу сменить ненавистную фамилию, чтобы ничего не напоминало о браке, о счастливых годах с Демидом, который безжалостно выбросил меня из жизни, поверив в гнусные наветы.

Отказался от нас с Димочкой. Лишил меня дочери, заставил окунуться в нищету, терпеть на себе снисходительные или жалобные взгляды, узнавать грязные сплетни. Изменила, нагуляла ребенка на стороне, бедный мужик...

Ни одной крупички правды — от этого вдвойне обиднее.

Обида. Совсем не ее я испытываю. Я словно умерла изнутри, когда Демид разрушил наш брак.

С дрожью внутри подхватываю нужные папки с документами, прижимая их к груди. Я не плачу, слез не осталось, я плакала каждый день после родов, гуляя с коляской в непогоду по четыре часа.

Домой, туда, где злая мать нудила под ухом, возвращаться не хотела. Плакала ночью, глядя сладкие щечки сына, плакала, когда видела, как он всё боль-

ше становится похож на Демида. На отца, который его не принял. На мужчину, которого я так безмерно,

так беззаветно любила, а он отказался от собственно-

го ребенка. Посчитал чужим, а меня — изменщицей. Как он мог? Что за человек? Не человек — чудовище.

Я больше не жду, что он вернется, спустя полгода уже привыкла к пустоте и боли внутри.

Не представляю, что понадобилось от меня главному боссу. Может быть, я от усталости ошибок наделала?

Коллеги не обращают внимания, как я выхожу из кабинета, а вот начальница подзывает к себе:

— Эля, ты куда? Обеденный перерыв уже закончился.

— Павел Игоревич к себе вызывает.

— Да? Странно, — Ирина Михайловна откладывает в сторону очки и внимательно на меня смотрит. — Мы с ним сегодня все текущие вопросы обсудили.

— Может быть, ему не нравится, что я часто на больничном? Но с маленьким ребенком это нормально...

— Эля, не переживай по этому поводу, — вздыхает она. — Ты же дома тоже работаешь по общей сетке, когда отлучаешься. Вряд ли дело в этом. Иди, а то он ждет. Расскажешь потом.

Забегала в туалет, чтобы в большом зеркале оглядеть свой внешний вид. Белая блузка, узкая черная юбка, туфли на высоком каблуке в тон. Дресскод в холдинге не предполагает свободного стиля, только юбки, блузки, костюмы или строгие платья. Приходится выкручиваться, потому что денег катастрофически не хватает, и покупать одежду только по скидкам.

— Проходи-проходи, Эля, — Павел Игоревич Збруев, наш финансовый директор, не выходя из-за стола, показывает на кресло напротив. — Присаживайся.

— Вы просили принести отчеты, — занимаю указанное место, продолжая прижимать к себе документы.

Он на них даже не смотрит. Улыбается во весь рот, и совсем не нравится мне его улыбка. Какая-то гадкая, мне видится в ней подтекст, двойное дно. Еще ни слова не сказал, а я уже хочу уйти отсюда.

— Павел Игоревич... — нервно облизываю губы и складываю руки на коленях, не смотря на мужчину.

Глаза бегают туда-сюда по роскошному директорскому кабинету. О его хозяине разные слухи

ходят: молодой, неженатый, любит говорить комплименты и имеет связь со своей секретаршей. А почему бы и нет, если они оба свободны? Только мне до этого нет никакого дела.

Директор откидывается на спинку кресла и крутит ручку возле рта, заинтересованно осматривая меня. Напряжение ощутимо витает между нами.

— Тяжело тебе справляться, Элечка, — говорит после паузы, сопровождая фразу вздохом.

Грудь мерно вздымается, голубая рубашка обтягивает широкие плечи. Збруев довольно-таки неплохо выглядит для мужчины за сорок. Спортивный, подтянутый, не лысый, но голубые водянистые глаза неприятно колют, как будто куском льда царапают по стеклу.

— О чем вы? — спрашиваю, не понимая, к чему клонит мужчина.

Его участливый тон заставляет меня вскинуть подбородок и внимательно на него посмотреть. Слишком странная забота для начальника.

Или он беспокоится о выполненной работе? После развода я откровенно не доверяю мужчинам и вижу подвох в каждом сказанном слове, нужно это прекратить и наконец выслушать то, что он мне скажет.

— Нелегко выйти на работу только что родившей ребенка женщине.

— Моему сыну шесть месяцев...

— А кто с ним сидит? Насколько я знаю, у тебя мама — инвалид?

— Она не инвалид, — поправляю мягко, — просто всю жизнь проработала на заводе по производству стекловолокна, а теперь получает пенсию, по вредности ее дают с сорока пяти лет.

— Не верю я, что пенсия большая... — морщится Збруев, слегка покачиваясь в кресле.

Что за странный допрос?

— Нам хватает, — сцепив зубы, отвечаю коротко.

— Эля, ты очень красивая женщина, и если бы была благосклонной, то твои проблемы легко решились бы.

— Благосклонной? — непонимающе хмурюсь, ощущая неприятный холодок, скользящий по позвоночнику.

Сжимаюсь, как натянутая пружина. А Павел Игоревич поднимается, проходит к двери, и я слышу тихий щелчок замка.

Он закрыл нас в кабинете!

Вскакиваю на ноги, не в силах сидеть на месте, и смотрю на него ошарашенным взглядом.

— Да, милая, можно даже из офиса не уходить. Очень удобно, — говорит, неприятно обшаривая меня глазами с головы до ног.

Хочется накинуть на себя мешок, чтобы стать непривлекательной для этого сластолюбца. Невыносимая ситуация, меня бросает в краску и даже тошнит. До того мне противно. Мерзко.

— Я не понимаю.

— Ты всё прекрасно понимаешь, — мужчина подходит ближе и обхватывает меня за подбо-

♥ родок, заставляя смотреть в глаза. Его голос отда-
ет сталью, а глаза пышут жаром. — Ты после родов
такая ладная стала, соблазнительная, грудь увели-
чилась. Все мужики по тебе сохнут.

♥ — Меня это не интересует, у меня маленький
ребенок.

♥ — Ребенок, ребенок, заладила с этим ребенком!
Няньку можно нанять, потом в садик отдать. А ты
что, о себе совсем позабыла? Твой-то бывший, Гро-
мов, давно бабу нашел. А ты теряешься, Эля.

♥ Он бьет по самому больному, и в груди тупо
ноет, как будто вскрыли гнойную рану. Чужая жен-
щина спит с моим мужем в одной постели и воспи-
тывает мою дочку. Горечь скапливается во рту, но
глаза сухие. Во мне лишь пустота.

♥ — Меня это не интересует, — заявляю твер-
до, — Павел Игоревич, вы переходите границы.

♥ — Я такое не каждой предлагаю. Подумай, Эля.
— Вы меня оскорбляете.

♥ — А ты что, по мужу своему всё еще сохнешь? —
выдает, будто разгадал причины моего отказа.

♥ — В любом случае это не ваше дело. Если я свои
обязанности выполняю без нареканий, встречаться
нам не стоит.

♥ — Иди, Эля, я тебе даю месяц на размышленья.
Подумай, тебе ничего хорошего дальше не светит.
Я знаю о твоих финансах всё. А так и удоволь-
ствие получишь, и финансовые проблемы свои ре-
шишь. Ребенка не обидим. Все-таки не чужие друг
другу люди.

Он мерзко подмигивает, а я с каменным лицом иду обратно на свое рабочее место. Понимаю, какой дурой была, когда думала, что он взял меня на работу без опыта по старой дружбе. А ведь когда я была женой Демида, даже кривого взгляда на меня не бросал.

Дальше работаю, не в силах сосредоточиться и обдумывая свое безрадостное положение. Устало плетусь домой, даже не представляя, что этот день может стать хуже, но вечер заставляет забыть о недавних событиях.

На моем пороге, впервые за полгода, объявляется бывший муж.

Глава 2

Эля

Закупка продуктов в магазине после работы позволила чуть позабыть отвратительную сцену в кабинете шефа, но стоило мне выйти на улицу, как мысли снова завертелись мощным вихрем.

Как мне теперь работать в этой компании? Павел Игоревич дал месяц на раздумья, но думать тут нечего. Он мне глубоко противен, как и все мужчины, и даже ради денег я не готова пойти на связь с ним. Как он со мной разговаривал? Цинично, невозмутимо, нагло. Так спокойно, по-деловому предложил свою «помощь» взамен на мои «услуги».

Он оскорбил меня как женщину, как подчиненную, как человека!

Если бы ухаживал, ненароком, временами оказывал знаки внимания, пригласил на свидание, кто знает, что бы вышло, а так он окончательно убедил меня в своей никчемности как мужчины.

Мужлан, гадкий шовинист, пользующийся своим служебным положением...

— Где ты ходишь? — мама, как всегда, встречает меня ворчанием.

Ребенка на ее руках нет, значит, он в кроватке. Димочку можно увлечь крутящейся музыкальной подвеской, но это вряд ли займет его надолго. Надо поспешить.

Для мамы моя занятость — не оправдание. Она отлично понимает, что я работаю ради того, чтобы обеспечить нам приличное существование. Не от хорошей жизни я оставила на нее маленького ребенка, в разлуке с которым страдаю каждую минуту. Но вместо того, чтобы благодарить, она щедро одаривает меня своим недовольством.

— Мам, я в магазине была, — ставлю полные пакеты продуктов на пол в прихожей, раздеваясь и спеша в ванную, чтобы скорее взять теплое нежное тельце сына на руки, потискать его, потетешить.

Ужасно соскучилась! Так, что сердце колотится от волнения и хочется ускорить время.

Пока переодеваюсь в домашний светлый костюм и умываюсь, тщательно очищая лицо от любых сле-

дов косметики и убирая волосы в высокий хвост, мама разбирает продукты и тихонько ворчит.

— Целый день мать на ногах, света белого не вижу... Жизни нет... О, просроченный йогурт, Элька, ты куда смотрела? — заходит ко мне в ванную и тыкает прямо в лицо пластиковой банкой. — Ты же с цифрами возишься, как проглядела? Ты и работаешь так, спустя рукава? А йогурт-то мне куплен, я бы с животом мучилась, а кто бы за ребенком смотрел, пока я с отравлением лежу?

— Мам, извини! Я домой торопилась, не заметила, — пытаюсь оправдаться, выхватываю из рук матери баночку и несу ее в мусорку.

Не думала, что попадусь на просрочку. Я вообще ни о чем не думала, ходила, как амеба, по торговому залу.

— Давай, давай, выкидывай продукты, денег-то у нас куры не клюют! — снова начинает свою песню мама, идя за мной следом шаг в шаг, так и норовя уколоть.

Всегда удивлялась ее способности раздуть из мухи слона.

Закипаю изнутри, чувствуя, что вот-вот взорвусь, но держусь из последних сил, понимая, что надо перетерпеть — и она успокоится. Молча слушать, а не спорить, иначе можно браниться весь вечер.

— Денег мало, но просроченный есть же не станем. Мам, я буду внимательнее, обещаю! Ты иди отдохни, а я пойду к Димочке, — говорю

